

Сначала – ограничения военных действий

Основной размах военных действий, особенно наступательных операций в НК и вокруг него, пришелся на 1993 год. Это нисколько не умаляет важности событий вокруг Шуши и Лачина (май 1992 г.) и наступления азербайджанской армии летом того же года на территории бывшей НКАО, а также обоюдоострых боев зимой и весной 1994 г., незадолго до перемирия 12 мая.

В целом 1993 год прошел под знаком военной активности армян. В конце марта они захватили Кельбаджарский район, широко сомкнув Армению и НК. Летом армяне обложили, а затем заняли два важнейших опорных пункта азербайджанских войск у восточных границ НК – города Агдам и Физули, а на севере – Мардакерт. Затем армяно-карабахские войска нависли над юго-западными районами Азербайджана (Джебраил, Зангелан, Кубатлы), угрожая выйти на границу с Ираном по реке Аракс. В октябре 1993 г., воспользовавшись локальным нарушением прекращения

огня с азербайджанской стороны, они развернули крупное наступление и сначала отрезали, а затем захватили весь юго-запад АР.

Зимой 1993/94 гг. азербайджанские войска предприняли ряд попыток контрнаступления. Но они либо окончились неудачей (особенно в районе Кельбаджара), либо принесли лишь местный успех (например, в районе Горадиза, возле границы с Ираном).

* * *

Первый год деятельности МГ СБСЕ (с июня 1992 г.) показал нам, что она не способна эффективно выполнить роль посредника, прервать либо хотя бы сдержать расползание вооруженного противоборства на новые районы со всеми вытекающими последствиями: умножением жертв и материальных разрушений, нарастанием волны беженцев, усилением опасности интернационализации конфликта. Тем более что в МГ явно недооценивался бесспорный для нас приоритет прекращения кровопролития. Мы продолжали свою активность в этой группе, стремясь выправить ее курс и противодействуя попыткам западников использовать этот формат в своих геополитических интересах, прежде всего чтобы снизить влияние России в Закавказье.

В этой ситуации нам пришлось умножить собственные посреднические усилия, все активнее самостоятельно выходить на руководство конфликтующих сторон, побуждая их к обузданию пожара войны. Необходимо хоть пунктирно прочертить линию наших действий в целях прекращения огня с середины 1993 г. Разумеется, в жизни они переплетались с нашей работой в МГ, даже не всегда могут быть поняты в отрыве от нее.

Лето и осень 1993 г. вылились в целую череду временных прекращений огня или иных ограничений военных действий, достигнутых при прямом посредничестве России. То они быстро срывались, то удавалось продлить их на какой-то срок. Это была полоса надежд и разочарований, нервного напряжения и гнетущей усталости. Задачи, которые ставились нами поначалу, не были слишком амбициозными – было важно, чтобы стороны постепенно свыклись с тем, что, оказывается, можно не вести ракетно-артиллерийский огонь по городам или не стрелять хотя бы несколько дней.

Нельзя сказать, что мы четко понимали – скорее интуитивно чувствовали, – что чудес не будет, что нам не удастся решить проблему прекращения массового кровопролития одним махом, как рассчитывал в Сочи в сентябре 1992 г. министр обороны П.С. Грачев. Придется выходить на это через настойчивые попытки, наперекор нередким уклонениям сторон, а то и срывам ими достигавшихся непродолжительных в то время перемирий.

«Летопись» ограничения военных действий и прекращения огня в Карабахе может показаться довольно скучной, но без нее трудно понять, как удалось затем добиться длительного перемирия и относительной стабилизации обстановки в регионе конфликта. Растянутость этого повествования может извинить только то, что каждый день ограничения или приостановки военных действий сберег не одну человеческую жизнь. В основном это охватывает период с середины 1993 г. по май 1994 г.

Надо сказать, что на это время пришлось и серьезные внутренние потрясения в Азербайджане. Их контуры широко известны: драматический уход Абульфазы Эльчибея и приход к власти Гейдара Алиева, который возвратился из Нахичевани в Баку в связи с бурными событиями в Гяндже в начале июня 1993 г. 15 июня он стал председателем Верховного Совета АР, а после бегства Эльчибея 18 июня в Келеки – первым лицом в государстве (с 24 июня «осуществляющим полномочия президента Азербайджанской Республики»). Не стану вдаваться в ход событий в Баку (это отдельная тема), но все, о чем пойдет речь, происходило на этом фоне.

Первую существенную договоренность между конфликтующими сторонами посреднической миссии России удалось самостоятельно достичь 17 июня 1993 г. (буквально за несколько часов до побега Эльчибея из Баку). Это был период ожесточенных боев в районах Мардакерта, Аскерана и Агдама, упорных взаимных обвинений в наступлениях и обстрелах. Несмотря на неоднократные предостережения карабахским армянам (в том числе из Москвы) не пытаться воспользоваться внутривосточным кризисом в Азербайджане для активизации боевых действий, они не смогли избежать искушения и 12 июня начали наступление на центральном участке фронта. (Накануне С. Гусейнов отвел некоторые «свои» части с карабахского фронта из-за противоречий, возникших с Эльчибеем после кровавых событий 4 июня в Гяндже.) В то время азербайджанские войска активно использовали обстрелы и воздушные бомбардировки армянских населенных пунктов. Так, 17 июня очередному сильнейшему обстрелу подвергся Степанакерт.

Договоренность между сторонами, достигнутая в ходе наших телефонных разговоров с Баку и Степанакертом, была довольно скромной, но немало значила для жителей двух многострадальных городов, оказавшихся мишенями военных действий. Это было взаимное обязательство не подвергать обстрелам города Агдам и Степанакерт/Ханкенди.

Некоторое время назад я обнаружил, что хранившиеся у меня документы – полузабытые, но, можно сказать, исторические в этом

конфликте – стали безнадежно выцветать и желтеть, без шансов на восстановление. На некоторых листках уже почти не было возможно прочесть весь текст.

Из доступных нам в июне-июле 1993 г. средств передачи текстов на расстояние факсимильная связь была самой современной и быстрой. Телефонной связи – даже по ВЧ – хватало только для разговоров, уговоров, переговоров, а когда надо было почтче сформулировать предложения, достоверно донести их до партнеров в зафиксированной форме, тут уже надо было либо диктовать текст по ВЧ (но это не было надежно, поскольку зависело от того, как он записывался там, на том конце провода), либо передавать текст по факсу, что явно предпочтительнее. Электронная связь в те годы еще не была доступна для нас и наших партнеров даже в столицах развитых стран. Мы настолько широко пользовались факсом для передачи текстов, особенно в контактах с Баку, Степанакертом, а также Ереваном, что невольно создали новый жанр работы, который и прозвали в шутку «факсовой дипломатией».

Столь активное использование факса было вызвано и другими причинами. Стороны карабахского конфликта, как правило, уклонялись от проведения прямых встреч, будь то с участием посредника или без него. Свести их представителей за одним столом или хотя бы в одном месте для подписания уже согласованных документов стоило немалого труда и удавалось крайне редко. Помехой для прямого общения были и боевые действия сами по себе. Да и транспортные возможности в регионе конфликта были весьма ограниченными. А многое приходилось делать срочно и на дистанции, нередко прямо из Москвы. Поскольку стороны глубоко не доверяли друг другу, они нуждались в посреднике, чтобы поверить во что-то, а также чтобы иметь свидетеля на случай вероломства другой стороны. Правда, и посредник воспринимался сторонами нередко с осторожностью, каждая из них подозревала его в том, что он подыгрывает другой стороне. Поэтому и с ним в серьезных делах лучше было не ограничиваться телефонными разговорами, а получить письменные тексты, особенно для доклада начальству. Словом, причин было немало. Но главное все же в том, что жесткость позиций сторон делала их рабами собственной неуступчивости.

Увы, факсимильная бумага весьма недолговечна. Недавно я решил перепечатать текст первых документов, чтобы сохранить хотя бы самую их суть, пусть даже без изящества бланков и гербов, без «аромата» автографов.

Технология дистанционного общения между сторонами через посредника, когда он находился в Москве, была тогда, как прави-

ло, такой. На основе телефонных переговоров со сторонами – порой многочасовых – посредник составлял текст договоренности и в идентичной редакции отправлял его по факсу в Баку и Степанакерт на подпись. В случае согласия с формулировками стороны возвращали факсом подписанный документ в Москву, а посредник должен был затем для достоверности отправить его другой стороне. Примерно по той же схеме действовал посредник и тогда, когда в подобных договоренностях стала позднее появляться Армения в качестве третьей стороны в конфликте.

Конечно, далеко не всегда стороны подписывали текст в том виде, как присылал им посредник. Было немало случаев, когда та или иная сторона вносила свои поправки, что до подписания документа вполне нормально. Но иногда это делалось и при подписании, то есть явочным порядком, без проговора с посредником, без согласования через него или напрямую с другой стороной. Такой «творческий зуд» у представителей сторон обнажал изъяны политической культуры или по меньшей мере нехватку соответствующего опыта. Порой это были мелочи, не затрагивавшие самой сути договоренности, но в некоторых случаях такая «самодеятельность» сторон расшатывала, казалось бы, уже достигнутое устно принципиальное соглашение, а то и приводила к его провалу. К хрестоматийному примеру такого рода в середине декабря 1993 г. мы еще вернемся.

В июне 1993 г. карабахцы еще не пользовались формальным бланком, но у них была необыкновенно большая (диаметром 4,5 см) круглая печать с надписью «Нагорно-Карабахская Республика. Комитет самообороны» на армянском и русском языках. Текст, подготовленный посредником и подписанный карабахским военным руководителем, гласил:

«В случае согласия противоборствующей стороны немедленно взять на себя обязательство не подвергать обстрелам и бомбардировкам г. Степанакерт, мы со своей стороны немедленно обязуемся не обстреливать и не бомбардировать г. Агдам.

Командующий Армией обороны
Нагорно-Карабахской Республики С. Бабаян
17.06.93 г. 22 часа 30 минут».

И огромная круглая печать!

На бланке Министерства обороны Азербайджанской Республики, как подобает, значились государственные символы и адрес: 370601, г. Баку, проспект Азизбекова, 3. Вот полный текст первого документа из Баку:

«17 июня 1993 г. 23.00 ч.

МО Азербайджанской Республики. Факс 38-30-69 (8922)

Москва, факс 230-24-74 (095)

Министерство иностранных дел России

Г-ну Казимирову

В случае согласия противоборствующей стороны немедленно взять на себя обязательство не подвергать обстрелу г. Агдам, мы обязуемся не обстреливать г. Ханкенди.

Начальник Генерального Штаба

ВС Азербайджанской Республики С. Абиев».

Как только я получил подписанные факсы в своем кабинете на Смоленской площади, тотчас же перекрестно направил их сторонам в подтверждение документального оформления телефонной договоренности, достигнутой между ними в этот день: текст С. Абиева ушел в Степанакерт, а С. Бабаян – в Баку. Вскоре оба адресата подтвердили их получение, и, казалось бы, стороны должны были придерживаться этой договоренности.

Неслучайно в текстах от 17 июня не указано никаких сроков действия данной договоренности. Всякий раз, когда представлялась возможность, мы сознательно добивались от сторон бессрочных обязательств, стремясь поскорее ограничить или свернуть военные действия.

При сопоставлении текстов двух сторон бросаются в глаза их обычные препирательства насчет названия главного города Нагорного Карабаха. Но гораздо важнее другое: умолчание Баку насчет бомбардировок. Конечно, у армян практически и не было боевой авиации, а бакинцы явно не хотели отказываться от продолжения бомбардировок Степанакерта/Ханкенди (кстати говоря, бомбили его как раз в середине июня). В итоге на деле договоренность свелась к недопущению лишь ракетно-артиллерийских обстрелов Агдама и Степанакерта.

Правда, даже эта усеченная договоренность вскоре подверглась суровому испытанию, но вовсе не из-за своих несовершенств. Всего два дня спустя, 19 июня, тот же С. Бабаян, подписавшись на этот раз на бланке комитета самообороны Нагорно-Карабахской Республики, но уже как и.о. командующего, прислал мне по факсу уведомление за № 97 (привожу его в первоизданном виде, как говорится, в авторской редакции):

«Воспользовавшись предыдущей договоренностью между сторонами о взятии обязательств не подвергать обстрелу г. Степанакерт и г. Агдам, в настоящее время в г. Агдаме происходит скопление большого количества военной техники, в том числе установок

«Град», из которых подвергаются массированным обстрелам мирные населенные пункты Нагорно-Карабахской Республики.

От имени командования Сил самообороны НКР я вынужден предупредить, что в случае продолжения подобных действий мы предпримем ответные меры по подавлению огневых точек. Ответные действия будут предприняты ровно через 1 час после получения Вами данного послания.

Вся ответственность при этом ляжет на азербайджанскую сторону».

Естественная реакция на подобное уведомление – досада на дефицит у автора здравого смысла и грамотности. Но она быстро проходит, поскольку начинаешь понимать, что вряд ли тут дело только в этом.

Из этого «извещения» легко просматривается, как обе стороны норовили всячески переиграть друг друга. Причем в данном случае с азербайджанской стороны не было нарушения договоренности от 17 июня (ведь она сводилась лишь к недопущению обстрелов двух городов). Конечно, обстрелы и бомбардировки населенных пунктов прямо противоречат международному гуманитарному праву, но азербайджанцы не брали на себя обязательств относительно военных действий в иных зонах или насчет недопущения сосредоточения военной техники в том или ином районе. Если бы суть дела действительно была в этом, то карабахские руководители могли бы предложить расширить прежнюю договоренность, включив два таких новых обязательства. Но, видимо, это не входило в их планы.

Вряд ли состоятельно и «предупреждение» насчет «продолжения подобных действий». Несерьезность приведенной мотивации видна и из того, что у посредника не было ни малейшей возможности согласовать и решить на дистанции эти вопросы всего лишь за один час! Да и сам текст этого письма Бабаяна не оставлял сомнений в том, что речь идет о преднамеренном сломе прежней договоренности, лишь припудренным эпистолярными ухищрениями новоявленного карабахского военачальника.

Вот так непросто обстояло с первой договоренностью между сторонами. Правда, путем контактов с ними удалось кое-как удерживать ее на плаву. Армяне называли свои действия ответными мерами по подавлению огневых точек противника вокруг Агдама. В последующие дни обе стороны протестовали по поводу нарушений. Протесты рассматривались сторонами, обсуждались по телефону с МИД России; принимались некоторые меры для снятия взаимных озлобленностей. Тем не менее, военное командование сторон констатировало, что общая интенсивность боевых действий, а также использование тяжелых вооружений в этих районах на время снизились.

24 июня МИД России подчеркнул в своем заявлении недопустимость вмешательства извне во внутренние дела Азербайджана и важность реализации плана выполнения резолюции 822 Совета Безопасности ООН. Суть дела была в том, что США и особенно Турция, возлагая надежды на президента А.Эльчибея, в разных формах ставили под сомнение легитимность произошедших в Баку перемен, а в дальнейшем стали использовать как средство давления на новые бакинские власти и вопрос о правах человека, требовать освобождения арестованных представителей Народного фронта Азербайджана. Доходило до абсурдов: госдеп использовал даже такую формулировку, как «так называемые события в Гяндже».

25 июня проговорил я с военным руководством карабахских армян некоторые меры по ограничению боевых действий для снятия озабоченности сторон на направлении Аскеран–Агдам и в зоне Мардакерта/Агдере. И тотчас же направил Сафару Абиеву свои предложения о сбалансированном отходе карабахских армян и азербайджанских войск из ряда населенных пунктов и с некоторых высот в этих районах. Хотелось сбить накал боев, а также вернуть стороны на позиции 14 июня, когда Степанакерт последним из трех конфликтующих сторон дал наконец согласие на план минской «девятки», хотя и попросил о месячной отсрочке его выполнения. Однако к столь примирительным жестам стороны явно оказались не готовы (потом нам пришлось на какое-то время от подобных предложений отказаться). Но если карабахцы прямо сообщили, что в некоторых местах не могут пойти на отвод своих сил с занятых позиций, то азербайджанцы тянули с ответом (в итоге карабахские армяне заняли высоты вокруг Мардакерта, вынудив азербайджанцев покинуть его).

Не получив от С. Абиева ответа на свои предложения, был вынужден на следующий день, 26 июня, послать это же сообщение с пометкой «срочно» Гейдару Алиеву. Около 15 часов Г. Алиев сам позвонил из Баку главе посреднической миссии России и предложил оказать содействие в прекращении ожесточенных боев вокруг Агдама. По его словам, армяне вновь пытались окружить и захватить этот город. Занятый в эти дни разборкой «наследства» Эльчибея и улаживанием дел с лихим «полковником» Суретом Гусейновым, он подчеркнул, что в нынешней внутривнутриполитической обстановке в Азербайджане потеря Агдама привела бы к катастрофическим последствиям. Даже счел нужным заявить, что намерен самым конструктивным образом решать карабахскую проблему, будет в этом вопросе в тесном контакте с Ереваном, но сейчас нужна пауза в военных действиях.

При втором звонке в этот же день по ситуации вокруг Агдама Г. Алиев сообщил заодно, что хочет быстро заменить постпреда

Азербайджана в Москве. Гейдар Алиевич поинтересовался моим мнением о постпреде Хикмете Гаджизаде. Ответил ему, что, несмотря на принадлежность к Народному фронту, тот был достаточно гибок и конструктивен, довольно активно сотрудничал на переговорах в Москве о прекращении огня и военных действий. Рассказал, как при этом он дважды был дезавуирован из Баку. Выслушав, Г. Алиев охарактеризовал его все же как «человека с улицы» и высказал намерение назначить послом солидного представителя – профессора Рамиза Ризаева (член-корреспондент Академии наук Азербайджана, директор одного из институтов). Буквально тотчас же, в 17.11, Х. Гаджизаде сообщил в МИД РФ по факсу о приостановке своих функций без объяснения причин.

Докладывая А.В. Козыреву о разговорах с Г. Алиевым, отметил, что пытаюсь в контактах со Степанакертом и Баку приостановить военные действия в районах Агдама и Мардакерта, где шли ожесточенные бои. Сообщил, что продвигаем и более широкие посреднические предложения. К полуночи 26 июня удалось наконец достичь договоренности между сторонами о прекращении на одну неделю (то есть до утра 4 июля) упомянутых военных действий. Но датирована она уже 27 июня, поскольку обмен факсами был завершен около 2 часов ночи.

Вот первый текст, без комментариев:

«230-24-74. Москва, МИД России, г-ну Казимирову В.Н.

В случае подтверждения Вами согласия противоборствующей стороны, мы обязуемся сроком на одну неделю с 5.00 утра 27 июня 1993 года (воскресенье) прекратить любые наступательные операции и попытки продвижения вперед с линии соприкосновения, которая сложилась на вышеуказанный момент; любые ракетные, артиллерийские обстрелы, а также воздушные бомбардировки на всем участке боевых действий от села Мадагиз – на севере, до города Агдама – на юге. Эта договоренность вступает в силу сразу по получении упомянутого подтверждения.

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Азербайджанской Республики полковник С. Абиев
27 июня 1993 года».

Тот же текст поступил к нам в 1.45 и 1.47 ночи из Степанакерта за подписью «командующего Армией обороны НКР С. Бабаяна». После перекрестной пересылки этих факсов в Степанакерт и Баку надо было еще убедиться в том, что оба подписанных текста там получены. На одном сохранилась моя приписка А. Гукасяну: «Как Вы получили текст С. Абиева? 27.VI 1.45. ВК». Заверений посред-

ника в том, что документ подписан и другой стороной, не хватало – каждая сторона хотела иметь зримое подтверждение этому хотя бы по факсу.

К сожалению, и договоренность от 27 июня устоялась не сразу. Утром еще продолжались обстрелы, возникали инциденты, и лишь к середине дня удалось наконец претворить в жизнь ночное соглашение.

В этот же период российский посредник, сталкиваясь с нередкими нарушениями то с одной, то с другой стороны, начал предлагать им систему мер по урегулированию возникающих инцидентов, чтобы даже в таких случаях обеспечить выживание достигнутых договоренностей. Эти меры предусматривали сообщение другой стороне по ВЧ или через МИД РФ конкретных данных о допущенном нарушении (его точное время и место, характер и последствия). Другая сторона должна была бы не позднее трех часов дать ответ в письменном виде, включая уведомление о принятых ею мерах. Когда подобное сообщение поступало в МИД России, мы были бы обязаны немедленно довести его до сведения другой стороны (в рабочие дни и часы – незамедлительно, в остальное время – как можно скорее).

Охотно обвиняя друг друга в нарушениях как подлинных, так и мнимых (нередко ради пропаганды), стороны не демонстрировали слишком большой готовности использовать механизм урегулирования инцидентов. Поэтому российскому посреднику не раз приходилось возвращаться к этому, настаивать на предлагаемой системе мер, «доводить» ее.

Вечером 27 июня с Г. Алиевым и Р. Кочаряном было условлено, что потом можно продлить и расширить только что достигнутую договоренность о приостановке наступлений, обстрелов и бомбардировок. 29 июня по договоренности с Г. Алиевым А.В. Козырев специально направил послание конфликтующим сторонам именно с таким предложением. Об этом послании были проинформированы Генеральный секретарь ООН, Действующий председатель ОБСЕ, члены Совета Безопасности и Минской группы. Мы всячески пытались добиться реализации достигнутого взаимопонимания, но безуспешно.

В развитие этих идей МИД России 2 июля передал сторонам новое предложение: продлить договоренность от 27 июня на целый месяц (до 4 августа) и распространить ее на зоны Гадрута и Физули, вызывавшие у сторон озабоченности. Мы предложили также не подвергать ракетно-артиллерийским обстрелам и воздушным бомбардировкам населенные пункты в радиусе 10 км от центра городов Агдама и Агджабеди, Аскерана и Мартуни (то есть по две расширенные зоны безопасности с каждой стороны), при-

чем не располагать ракетные установки и орудия в населенных пунктах или вблизи них. Оговаривался также порядок действий в случае нарушения договоренностей той или иной стороной. В случае принятия и выполнения эти предложения могли бы сбить накал военных действий в самых чувствительных для обеих сторон местах.

Степанакерт не принял взаимный отвод войск с нескольких недавно взятых высот и из занятых накануне сел, но с остальными предложениями был согласен. Дело было за азербайджанцами. Казалось бы, идея заранее проговорена с Г. Алиевым. Однако С. Абиев, несмотря на неоднократные напоминания, так и оставил наши предложения без ответа.

Между тем стали поступать сведения, что дипломаты США в Баку и Ереване принимали меры против продления и расширения договоренностей, достигнутых между Баку и Степанакертом при содействии МИД России, пытались подбить новое руководство Азербайджана, а также представителей Армении и Нагорного Карабаха содействовать реанимации «тройки» (Россия, США и Турция), несмотря на то что мы твердо сказали американцам, что продолжать работу в этом формате не будем.

Используя в качестве рычага давления вопрос о легитимности перемен в Баку, американцы побуждали Азербайджан выпячивать тройственную инициативу России, Турции и США, хотя та уже в июне была перекрыта «планом минской девятки». 2 июля Г. Алиев специально обратился ко всем странам мира, особенно к США, Турции и России как инициаторам мирных предложений, причем возложил на три государства главную ответственность за их претворение в жизнь. 5 июля он пригласил к себе послов трех стран и, сетуя на серьезное осложнение ситуации на фронте, особенно подход армян вплотную к Агдаму, призывал три государства эффективно содействовать достижению поставленных целей. Стоит отметить, что Г. Алиев уже изображал Россию, США и Турцию гарантами урегулирования конфликта.

С другой стороны, чего стоили оглашенные бакинской прессой упреки Г. Алиева в том, что будто бы ни одна из этих трех стран ничего конкретного не предприняла? (Это после ряда попыток России свернуть боевые действия и на фоне уклонения Баку от предложенных мер!). Перед лицом этих упреков и, мягко говоря, нечетких формулировок насчет обязательств и гарантий России, США и Турции пришлось направить советнику Г. Алиева – Вафе Гулузаде личное письмо, показав, что ни обязательств, ни гарантий пока нет, что нельзя смешивать роль посредника с ролью гаранта. Привел ему и перечень шагов, предпринятых Россией в июне и начале июля в интересах деэскалации военных действий.

В итоге предложенное нами месячное продление не было принято в Баку. Недельный срок действия договоренности от 27 июня истек 4 июля, и бои вокруг Агдама возобновились. Вскоре (буквально через три недели) это привело к захвату армянами этого стратегически важного пункта, транспортного узла и крупного города, в котором когда-то проживало около 30 тысяч человек. Причем потом азербайджанцы даже иногда утверждали, будто армяне нарушили при этом договоренности, замалчивая, что именно Баку не пошел на продление и расширение прежнего соглашения.